

СТАНИСЛАВ ЛЮДКЕВИЧ

Воспоминания Ст. Людкевича (сына)

Мой отец — Станислав Людкевич (Клеменс Фенигштейн) побывал в России два раза.

Впервые он приехал туда в 1915 г. Влюбленный восемнадцатилетний юноша отправился вслед за своей невестой Людвикой в Минск, куда переселилась ее семья, бежавшая от немцев. В Минске они поженились, и там у них родился сын. Знакомство с революционным движением, с людьми, совершавшими революцию (среди них было много поляков), стало самым замечательным событием в его жизни.

После возвращения на родину в 1918 г., благодаря завязанным еще в России связям с польскими коммунистами, он быстро находит дорогу к партии. Ему помогает в этом выдающийся польский коммунист Владислав Краевский (Стейн)¹, в то время муж Зофи, дочери Адольфа Варского. С этого времени завязалась дружба между нашими семьями; она сохранялась и в Польше, и позднее в СССР. Возникшая в декабре 1918 г. Коммунистическая польская рабочая партия (так называлась вначале КПП) уже в 1919 г. перешла на нелегальное положение.

В 1921 г. мой отец был арестован за коммунистическую деятельность, но вскоре его выпустили под залог. С этого времени, однако, наша семья находилась под постоянным наблюдением полиции. Несмотря на это, к нам, а также к братьям и сестре отца, которых он «заразил» своими взглядами, приходило на конспиративные заседания множество товарищей-коммунистов; временами некоторые из них жили у нас или у моих родных, конечно, нелегально. Здесь бывали такие известные польские коммунисты, как Ленский², Краевский, Циховский³, Данелюк⁴ и другие. Отец занимался не только партийной деятельностью — он принимал активное участие в польском кооперативном движении, находившемся под большим влиянием коммунистов. Нас посещали тогда Берут⁵, Форнальская⁶, Гемпель, Стане, Дурач⁷.

В 1925 г. отец начал работать в варшавском бюро Скандинавской Американской пароходной компании. Он стал хорошо обеспеченным чиновником. В то же время он продолжал заниматься активной партийной деятельностью. Руководство партии хотело сохранить это положение. Бюро, в котором работал Клеменс, было прекрасным связным пунктом; сейф фирмы — великолепным тайником для хранения партийного архива; гектограф — замечательным аппаратом для печатания листовок; не вызывавшая подозрений квартира «порядочного чиновника» — превосходным местом для встреч революционеров, а сам он — первоклассным связным, поддерживающим контакт с партийным руководством, которое находилось в Берлине и в Сопоте.

Однако это не могло продолжаться долго. Растущая активность Людкевича как партийного работника ежеминутно грозила ему разоблачением.

СТАНИСЛАВ ЛЮДКЕВИЧ

Фотография, 1930 (?)

Собрание семьи писателя, Варшава

Можно ли было продолжительное время скрывать, что он является генеральным секретарем Международного общества помощи борцам революции в Польше и членом главной редакции центрального партийного органа «Czerwony Sztandar»? Долго ли можно было хранить в тайне его участие в нашумевшем побеге Юлиана Ленского из варшавского зала суда? ⁸ Как долго могло оставаться незамеченным, что в нашей квартире как бы «случайно» собирались самые видные варшавские пролетарские писатели и критики, редактировавшие «Miesięcznik Literacki», — Станде, Броневский, Гемпель, Ват, Джевецкий?

Иногда появлялись друзья дома, партийные деятели; случалось, что они приходили к нам сразу же после выхода из тюрьмы, чтобы возобновить свои связи с партией, не откладывая дела в долгий ящик. Положение еще больше осложнилось, когда отец начал работать в тщательно конспирированной группе, которая была создана для внутрипартийной борьбы с провокаторами, особенно в тот момент, когда группа эта развернула активную деятельность.

Отец тяжело переносил бремя двойной жизни. Он испытывал угрызения совести из-за того, что живет в достатке, а его друзей преследуют, как диких зверей. Ему казалось, что он недостаточно много времени и сил отдает партии.

В 1930 г. руководство партии разрешило ему эмигрировать и, конечно, в СССР, на родину мировой революции и международного пролетариата. Мы покинули Польшу. Отец был счастлив: наконец-то он сможет жить не раздвоенной жизнью. В это время в Москве уже находилась большая группа польских коммунистов; почти все из них были нашими давними друзьями.

Мой отец всегда имел склонность к литературному творчеству, журналистике и критике. Он был самоучкой, но недостаток систематического образования восполнял чтением; читал он очень много. В Москве отец попробовал свои силы в публицистике, начал печататься в «Известиях» и в «Труде». Но вскоре ему как видному деятелю МОПРа предложили другую, более увлекательную работу. Он стал руководителем художественно-политического отдела киностудии «Межрабпомфильм», находившейся в ведении МОПРа.

В этот период, кроме постоянно бывавших у нас польских друзей-коммунистов, в нашем доме стали появляться новые люди. Больше всего мне запомнились посещения Всеволода Пудовкина и Михаила Булгакова (мы жили тогда в гостинице «Метрополь» и лишь несколько позже получили квартиру в доме писателей на ул. Фурманова, д. 3/5). Первый из них снимал в это время фильм «Дезертир», а второй уговаривал отца поставить фильм по «Войне и миру» Толстого.

При каких обстоятельствах отец перешел из «Межрабпомфильма» в МОРП, я хорошо не помню. Знаю, что у него всегда было тяготение к творческой интеллигенции. Кроме того, он знал Запад (бывал в Германии, Италии, Франции и Англии), был польским коммунистом-политэмигрантом, а польские политэмигранты в те годы занимали ответственные посты в важнейших партийных и правительственных органах. Его назначили ответственным секретарем МОРПа, и он начал работать в маленьком помещении на Кузнецком мосту. Генеральным секретарем МОРПа был Бела Иллеш.

Круг наших знакомых значительно расширился. Среди поляков наиболее близкими нашими друзьями были Станде и его жена Зофья Варская. Вскоре, однако, эта семья распалась, и Станде вместе со своей второй женой, пианисткой Марией Гринберг, некоторое время жил у нас.

Среди знакомых и друзей отца было много венгерских и немецких пролетарских писателей-эмигрантов — Гергей, Кахана, Гидаш, Лукач, Бехер, Бредель, Вайнерт. В памяти моей сохранилась также маленькая фигурка Эми Сяо. Во время I Съезда советских писателей мои родители подружались с прекрасной супружеской парой — испанцами Марией Тересой Леон и Рафаэлем Альберти. Кажется, в это время у нас бывал и известный Эрвин Пискатор, который в то время снимал в Москве фильм «Восстание рыбаков» по роману Анны Зегерс. Он приходил вместе с красивой советской актрисой, создательницей главной женской роли в этом фильме — Януковой. В этом интернациональном обществе, которое собиралось то у нас, то у кого-нибудь из товарищей, начали появляться также Сергей Третьяков, Михаил Голодный, блестяще переводивший Станде на русский язык, и другие советские литераторы. Истинно вавилонское столпотворение...

После четырнадцати лет эмиграции, возвратившись из СССР в 1946 г., я не раз удивлял варшавских друзей своим знакомством с современной западноевропейской литературой, произведениями известных писателей, о которых в Народной Польше начинали дискутировать: издавать или не издавать? И этими знаниями я обязан прежде всего «Интернациональной литературе» — журналу, душой которого был отец. Думаю, что я не составляю исключения.

Несколько слов об отце как о человеке. Это был настоящий мужчина. Ничто человеческое ему не было чуждо. Он любил поиграть в покер, выпить хорошего вина, побродить по Москве. Он научил меня кататься на коньках и лыжах. Он был страстным туристом, раскрывшим для меня красоту Татр. Серьезная музыка ему не нравилась, зато он был большим любителем легкой музыки. Его пленяли песенки известной польской певицы Ганки Ордонувны и польского певца Казимежа Круковского.

Он любил подшучивать над пуританскими взглядами Зофи Варской, говоря, что французские коммунисты никогда не завоюют власти, если захотят ликвидировать развлечения на площади Пигаль. Его любимым писателем был Шекспир.

Отец мыслил политически здраво. Я помню, как однажды он пришел очень расстроенный после дискуссии с некоторыми немецкими товарищами. Это было вскоре после прихода Гитлера к власти. Эти товарищи утверждали, что Гитлер — явление эпизодическое и что дни его сочтены. Отец же говорил, что Гитлер и гитлеризм представляют собой грозную опасность, которую не удастся легко и быстро ликвидировать. Его глубоко задело, что ему не верили.

На этом можно было бы закончить мои воспоминания. Однако я должен сказать еще несколько слов.

После МОРПа отец руководил политической редакцией Гослитиздата. А потом... Как гром с ясного неба, отца поразило известие об исключении его из партии. Он потерял работу, день и ночь лежал на диване, читая Шекспира. Время от времени играл в шахматы. Дом опустел.

Вскоре после XX съезда КПСС отец был посмертно реабилитирован.

Таков в общих чертах жизненный путь ответственного секретаря Международного объединения революционных писателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Владислав *Краевский-Стейн* (Krajewsky-Stejn) — известный деятель польского рабочего движения, член СДКПиЛ (Социал-демократия Королевства Польского и Литвы), затем КПРП (Коммунистическая польская рабочая партия). В 1929 г. эмигрировал в СССР, работал в Коминтерне и ИМЭЛ.

² Юлиан *Ленский-Лещинский* (Leński-Leszczuński) — выдающийся теоретик польского рабочего движения, с 1929 по 1938 г. — генеральный секретарь ЦК КПП. В 1924 г. эмигрировал в СССР.

³ Казимеж *Циховский* (Cichowski) — видный деятель польского и международного революционного движения. С 1932 г. работал в СССР (в Коминтерне).

⁴ Александр *Данелюк* (псевд.: Эдмунд Стефаньский; Danieluk) — участник международного революционного движения. С 1930 г. работал в СССР.

⁵ Болеслав *Берут* (Biegut) — деятель польского рабочего движения, один из организаторов ПНР (Польской рабочей партии); в 1947—1952 гг. — президент ПНР, а в 1952—1954 гг. — премьер-министр ПНР.

⁶ Малгожата *Форнальская* (Fornalska) принадлежала к числу создателей Польской рабочей партии в период оккупации. Убита гитлеровцами в варшавской тюрьме Павяк.

⁷ Теодор *Дурач* (Durasz) — известный польский адвокат, защищавший на суде коммунистов. В период оккупации Польши — один из создателей Польской рабочей партии. Убит гитлеровцами в варшавской тюрьме Павяк.

⁸ Ленский бежал из зала суда в Варшаве в 1925 г., некоторое время скрывался у Ст. Людкевича, затем эмигрировал в Берлин, а оттуда в СССР.